

Вій Шёпот

Там, где молчат
слова

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Вій Шёпот

Там, где молчат слова

<https://litres.ru/74084166>

SelfPub; 2026

Аннотация

Анна — молодой психиатр в закрытой клинике для особо опасных преступников. Она уверена: за каждым убийцей стоит человек, которого можно спасти. Но Дамир Ракитин не говорит ни слова уже год. Он не смотрит на врачей. Он не реагирует на лекарства. Он просто ждёт.

И когда Анна впервые входит в палату номер семь, она чувствует: он ждал именно её.

Она не знает, что его молчание — это игра. Что каждый её шаг — часть его плана. Что её попытка спасти его обернётся для неё самой смертельной ловушкой.

Чем глубже она погружается в его мир, тем сильнее её тянет к нему. Она готова отдать всё, чтобы вытащить его на свободу. Но когда правда становится страшнее любого безумия, Анна понимает: он не был её пациентом. Он был её судьбой. Её наказанием. Её концом.

Она думала, что спасает его. Но она просто подписала им обоим вечность.

Вій Шёпот

Там, где молчат слова

Глава 1

Я подула на только что сваренный кофе и подумала: как же приятно, что даже мелочи остаются неизменными.

Каждое утро я прихожу на работу с одной мыслью: пора снова играть хорошую дочь.

Я завариваю кофе по своему рецепту — медленно, аккуратно, как ритуал. Сначала две ложки молотого, потом кипяток, потом минутная пауза, чтобы вкус раскрылся. Я делаю это механически, почти не глядя, потому что повторяла этот ритуал сотни раз. Он даёт мне иллюзию контроля. Будто я сама принимаю решения. Будто моя жизнь принадлежит мне.

Но нет. Мою жизнь за меня решает отец.

Я стояла у окна в своём кабинете, сжимая кружку, и смотрела на парк за решёткой. Там росла старая липа, уже жёлтая, и листья падали на скамейку, где по утрам курил главврач. Он всегда курил там, даже в дождь, даже зимой, как будто его выгоняли из собственной клиники.

Кабинет у меня был маленький, казённый. Стол с потёр-

той поверхностью, стул, который скрипел при каждом движении, шкаф с документами. Единственная личная вещь — фотография мамы на краю стола. Я смотрела на неё каждое утро, когда заходила. Она улыбалась мне с того света, и я чувствовала, что она всё ещё здесь. Что она видит меня. Что она помнит.

Я смотрела на эти листья за окном и думала о том, как они падают — медленно, безвольно, подчиняясь ветру. Они не борются. Они просто летят вниз, зная, что их ждёт. И я завидовала им. Потому что я не знала, что ждёт меня. Я только делала вид, что контролирую свою жизнь, что я сильнее обстоятельств, что могу спасти любого.

Но я не могла спасти даже себя.

Где-то в коридоре послышались шаги — тяжёлые, уверенные. Я напряглась, но шаги прошли мимо. Далёкий крик пациента — приглушённый, почти неразборчивый — донёсся с третьего этажа. Я привыкла к этому звуку. Я слышала его каждый день, как и шаги, и звонок телефона в приёмной, и гул старого лифта.

Здесь всё было неизменным. Как моя жизнь. Как моё утро. Как мой кофе.

Резкий звук вырвал меня из мыслей. Я подняла глаза к окну и увидела, что начался дождь. Крупные капли били по стеклу, стекали вниз, размывая серый пейзаж. Листья на старой липе вздрагивали под ударами воды, и я смотрела на это,

чувствуя, как внутри меня что-то оттаивает.

Дождь. Как я люблю его. И мама любила.

Она говорила, что дождь смывает всё ненужное. Что после него мир становится чище. Когда начинался ливень, она выходила на крыльцо, поднимала лицо к небу и закрывала глаза.

Я помню, как однажды, когда мне было шесть лет, мы выбежали под дождь вместе. Она схватила меня за руку, и мы побежали по мокрой траве, смеясь, как сумасшедшие. Мама кружилась, подставляя лицо небу, а я смотрела на неё и думала: «Моя мама — волшебница».

Она всегда пахла апельсином и сыростью — как после дождя. Уникальное сочетание.

Она учила меня добру и женственности. Говорила: девушки должны быть слабыми, красивыми и умными. Они не должны быть сильными, потому что тогда зачем им мужчина?

Я всегда смеялась над её странными советами.

Папа говорил иначе. Он повторял: «Ты должна быть сильной. Справляться со всем сама. Полагаться только на себя».

Странно, что такие разные люди обрели любовь друг в друге.

Мама ушла, когда мне было восемь. Рак. Быстро. Я даже не успела понять, что происходит.

На похоронах я стояла у гроба и смотрела на её лицо. Я хотела плакать. Я чувствовала, как внутри меня что-то раз-

рывается на части. Но отец стоял рядом. Он положил руку мне на плечо и сказал: «Не плачь. Слабость — это не то, что мы показываем людям».

Я не заплакала. Я смотрела на маму и не плакала. Ни на похоронах. Ни в день её смерти. Ни разу после.

Я думаю, именно тогда я сломалась. Маленькая девочка, которая не заплакала на похоронах своей матери. Я не хотела быть слабой. Я хотела быть сильной, как хотел отец. И я стала сильной. Но я потеряла себя.

Я перевела взгляд на вход в больницу. На крыльце, как всегда, курил главврач. Он стоял под козырьком, одной рукой придерживая полы пиджака, другой сжимая сигарету. Дым поднимался вверх и растворялся в сером небе.

Какая бы ни была погода — его можно было застать в двух местах: либо в кабинете, либо на крыльце с сигаретой.

Мой взгляд зацепился за парк. Большие деревья сбрасывали листву. Серые мокрые дорожки. Трава, поникшая под дождём. Всё как всегда.

Пациенты клиники не видят даже этого парка. Для них он просто картинка за стеклом. Красивая, недостижимая, как жизнь, которую они потеряли. Может быть, поэтому я так часто смотрю в окно? Хотя бы здесь я свободна.

Мой взгляд снова устремился на фигуру главврача на крыльце. Он докуривал сигарету, и я видела, как он затягивается глубоко, как выдыхает дым, как смотрит на парк пу-

стыми глазами.

Он поднял голову — и наши глаза встретились. Кивнул. Коротко. Холодно.

«О нет, — пронеслось у меня в голове. — Заметил. Сейчас придёт».

Я не ошиблась. Он докурил сигарету, затушил её о перила и исчез за дверью.

Закрыв глаза, я начала считать, как учила меня мама в детстве, когда мне было страшно: раз, два, три, четыре, пять...

На счёт шесть дверь моего кабинета открылась.

На пороге стоял он. Главврач. Мой отец. Самый жестокий врач и отец, какого я знала.

Он был высоким и седым, с резкими чертами лица, которые становились тем жёстче, чем старше он становился. Его глаза — серые, холодные, почти прозрачные — всегда смотрели на меня как на подопытный материал. Он никогда не кричал. Никогда не повышал голос. Он просто стоял и смотрел — и от этого становилось страшнее, чем от любых угроз.

Главврач стоял в дверях, перекрывая выход. Он всегда так делал. Занимал весь проём, чтобы я не могла выйти, чтобы я чувствовала себя загнанной.

— Привет, дочка, — донеслось от двери.

Я не обернулась. Смотрела в окно на дождь и сжимала кружку так сильно, что побелели костяшки.

— Анна Харингтон, прошу поддерживать рабочие отношения, — прозвучало холодно.

Я с трудом оторвалась от пейзажа за окном, поставила кружку на стол и повернулась к нему.

— Да? Вы что-то хотели?

— Ты взяла дело Рамиля, что я рекомендовал?

— Да. И что?

— Не боишься? Он очень опасен.

— Не опаснее вас, — ответила я, встречая его взгляд.

Он усмехнулся. Криво, без тепла. Эта усмешка была хуже любого удара.

Вытащив из-под мышки тонкую синюю папку, он кинул её на мой стол. Та с глухим стуком приземлилась прямо передо мной.

— Изучи, прежде чем отказываться от него.

Он уже развернулся к выходу, но на пороге добавил, почти шёпотом:

— Столько тебя учил — а всё равно в мать пошла.

Дверь закрылась за ним.

Я осталась одна.

Он ушёл, но эхо его шагов всё ещё отдавалось у меня в голове — тяжёлых, мерных, как удары метронома, отсчитывающего время до моего следующего падения.

Я перевела взгляд на папку. Синюю, тонкую, почти пустую. И в то же время — такую тяжёлую, будто внутри неё

была не просто бумага, а вся моя жизнь.

«Интересно», — подумала я и подошла ближе. Протянула руку. Едва мои пальцы коснулись шершавой поверхности, я почувствовала опасность. Воздух в кабинете стал тягучим, будто сама комната выдохнула тьму, которая ждала меня.

Через силу я открыла папку.

Первое, что бросилось в глаза — фотографии с места преступления. Гостиная, залитая кровью. Мебель, разбросанные вещи. И цветы на подоконнике — единственное живое пятно среди этого кошмара.

Кто оставляет цветы после убийства? Кто заботится о красоте, когда вокруг смерть?

Я перелистнула страницу. Имена жертв. Девушка Рамиля. Её семья. Дальше — ещё одна страница, и я пролистала её почти механически.

А потом я замерла.

Моё сердце пропустило удар. Воздух вырвался из лёгких, не дав мне вдохнуть.

Николь Саммет.

Я прочитала это имя трижды, надеясь, что ошиблась. Что это просто совпадение.

Но память уже включилась, и я снова была там — на площадке за домом, где мы играли до ночи, а потом крадучись возвращались домой, чтобы никто не заметил.

Я помнила её смех — звонкий, заразительный. Помнила, как мы прятались у неё в комнате, когда отец был зол. Как вместе придумывали тайный знак — две линии на стекле, «Помоги», — на случай, если одна из нас попадёт в беду. Как клялись, что никогда не расстанемся.

«Мы никогда не расстанемся, Анна. Даже если умрём», — сказала она однажды на крыше её дома. Мы смотрели на звёзды и верили, что наша дружба вечна.

А потом она исчезла. Мама сказала, что они переехали в другой город. Я не поверила. Я искала её — по соцсетям, по старым адресам. Ничего. Я думала, она просто не хочет, чтобы я её нашла. Я злилась. Я обижалась.

И вот она лежит на фото в папке моего отца. Мёртвая. С перерезанным горлом. Открытые глаза смотрят прямо на меня — с фотографии, через годы, через смерть. Казалось, она говорит мне: «Почему ты не искала дальше?»

Меня замутило. Я бросилась к окну, распахнула створку, хватая ртом холодный осенний воздух. Дождь всё ещё моросил. Я стояла так несколько минут, вцепившись пальцами в подоконник, пытаюсь успокоиться.

Когда я вернулась к папке, руки дрожали. Я изучила всё до конца. Имена. Даты. Факты.

Отец знал. Он знал, что Ника — моя подруга. И он дал мне это дело специально. Потому что он любит делать мне больно. Он всегда говорил:

«Лучший учитель — это боль».

Закрыв папку, я допила остывший кофе и направилась к двери.

Пора. Палата номер семь.

Лифт медленно спускался. Металлическая кабина пахла железом и хлоркой — знакомый, тошнотворный запах, который преследовал меня каждый день. Я стояла в углу, сжимая папку, и считала этажи. Один. Два. Три.

На третьем этаже свет в кабине мигнул. Двери открылись, и в лицо ударил холодный, спёртый воздух.

Я шагнула в коридор. Синие лампы под потолком мерцали, как глаза ночных животных. Тишина стояла такая, что я слышала биение собственного сердца. Где-то далеко капала вода — мерно, равномерно, как секундная стрелка, отсчитывающая время до моего конца.

Я шла медленно, считая двери. Пятая. Шестая. Седьмая. Я остановилась.

Дверь была матовой, из толстого стекла, за которым угадывался силуэт. Я подошла ближе и увидела его.

Он сидел на кровати, ровно, как солдат на плацу. Его руки лежали на коленях, неподвижные, как у статуи. Он не двигался. Не дышал. Не моргал.

Я смотрела на него через стекло, и мне казалось, что я вижу не человека — я вижу пустоту, которая приняла челове-

ческую форму.

Но что-то в нём было другое. В его позе не было смирения. В ней была готовность. Как будто он ждал. Не просто сидел. Именно ждал.

Я толкнула дверь. Она открылась без звука.

Вошла.

Запах ударил в нос — не лекарства, не пот, не страх. Древесина. И дым. Как будто здесь жгли свечи, хотя в клинике строго запрещено. Я оглянулась — ни свечей, ни пепла. Но запах оставался. Он витал в воздухе, окутывая меня, как чужое дыхание.

— Рамиль, — сказала я, стараясь, чтобы голос звучал ровно. — Меня зовут Анна Харингтон. Я буду вас вести. Я хочу вам помочь.

Он не повернулся. Не моргнул. Не шевельнулся.

Я сделала шаг вперёд, потом ещё один. Села напротив него за стеклянный стол — пустой, холодный, разделяющий нас. Но я чувствовала, что это стекло — единственное, что держит меня в безопасности.

— Я знаю, что вы не говорите, — продолжила я. — Но вы можете написать. Или кивнуть. Или просто смотреть на меня. Мне важно, чтобы вы знали — я не буду вас судить.

Мои слова повисли в воздухе. Никакой реакции.

Я открыла папку и начала говорить. О его деле, о его семье, о том, что я понимаю, как ему тяжело. Я говорила долго

— десять минут, двадцать. Я перебирала факты, цитировала заключения других врачей, пыталась найти хоть какую-то точку опоры.

Ничего.

Он не двигался. Не дышал громче. Не шевелил пальцами.

Я уже хотела встать и уйти, как вдруг он медленно повернул голову.

Я замерла.

Я увидела его глаза. Они были не серыми, как писали в документах. Они были цвета мокрого асфальта после дождя — тёмные, глубокие, с золотыми крапинками внутри. И он смотрел на меня так, будто видел меня насквозь.

Я забыла, как дышать.

Я смотрела в его глаза и чувствовала, как внутри меня начинает плавиться что-то, что я строила годами — профессиональная броня, холодное спокойствие, уверенность в том, что я контролирую ситуацию.

Он видел меня. Он знал меня. Я не знала, откуда это чувство, но оно было оглушительным.

А потом он поднял руку.

Он взял ручку, которую я положила на стол. Несколько секунд просто держал её в пальцах, разглядывая, будто видел впервые. Потом резко разбил её о край стола — пластмасса хрустнула, и я вздрогнула.

Но не испугалась. Слишком много ужасного происходило

на этой работе, чтобы бояться каждой мелочи.

Пластмассовым острым краем он порезал себе руку, а затем встал. Подошёл к стене.

Я смотрела, как он поднимает руку, как его пальцы сжимаются в кулак, как кровь начинает сочиться между ними.

Он начал рисовать. Медленно. Аккуратно. Как художник, который создаёт шедевр. Я смотрела на его палец и не могла отвести взгляд.

Цифра семь.

Идеально ровная, чёткая, будто он репетировал это сотни раз.

Я перевела дыхание. Сердце колотилось где-то в горле.

В ту же секунду вошли медики вкололи ему успокоительное и перевязали руку. Я смотрела на это со стороны — на его лицо, на котором не было ни боли, ни страха. Только тоска. Бесконечная, немая тоска.

Я нервно вышла из палаты.

В коридоре я поняла, что забыла папку на столе. Вернулась — он уже спал. Я забрала её и пошла к себе.

В лифте я снова открыла папку. Пролистала до конца.

И замерла.

Моё фото. С выпускного медицинского института. Я смеюсь, счастливая, невинная. Та, которой уже нет.

Сбоку — подпись. Кривым, почти детским почерком: «Я жду тебя, Анна».

Я смотрела на это и не могла дышать.

Он знал. Он знал, что я приду. Он ждал меня. Он ждал меня год.

И цифра семь на стене — это был не номер палаты.

Это было предупреждение.

Семь — это число смерти.

Я села на стул в своём кабинете, положила голову на стол и закрыла глаза. Слез не было. Я не могла плакать. Остался только холод — такой глубокий, что я чувствовала его в каждой кости.

Я не знала тогда, что этот холод — только начало. Что Рамиль не просто пациент. Не просто убийца. Он — моя судьба. Моё наказание. Мой конец.

Но я ещё не знала.

Ночь не принесла покоя.

Я лежала в кровати, глядя в потолок, и не могла сомкнуть глаз. За окном шумел дождь — тот самый, что начался утром. Капли били по стеклу, стекали вниз, размывая силуэты деревьев.

Я слышала этот звук и думала о маме. О Нике. Об отце. О Рамиле.

Их имена крутились в моей голове, как заевшая пластинка.

Встав с кровати, я подошла к окну и прижалась лбом к хо-

лодному стеклу. Где-то вдали мигнула молния — и на мгновение мир стал белым, а потом снова провалился в темноту.

«Лучший учитель — это боль», — сказал отец однажды.

Я сжала пальцы в кулак и почувствовала, как ногти впи-ваются в ладонь. Боль помогла мне сосредоточиться. Я приняла решение.

Я оделась, накинула плащ и вышла из квартиры. Дождь хлестал по лицу, когда я бежала к машине.

Клиника «Тишина» была в десяти минутах езды, но эти минуты тянулись вечно.

Ночью она выглядела иначе. Серая, мрачная, с выключенными окнами, похожая на гигантский мавзолей. Я припарковалась на пустой стоянке, выключила мотор и некоторое время просто сидела в тишине, глядя на фасад здания.

Потом я открыла дверь и шагнула под дождь.

Внутри было темно и тихо. Я прошла через главный холл, поднялась по лестнице на второй этаж, где хранились архивы. Свет включался автоматически — тусклый, жёлтый, выхватывающий из темноты длинные ряды шкафов с делами пациентов.

Я знала, где искать.

Отец хранил старые дела в конце коридора, в металлическом шкафу, который никто не открывал годами. Я подошла к нему, достала связку ключей, которую стащила из его кабинета ещё днём, и открыла замок.

Шкаф закрипел, когда я потянула за ручку. Внутри пахло пылью и старой бумагой. Я провела пальцами по корешкам папок, читая фамилии.

Саммет.

Папка была тонкая, почти пустая. Я вытащила её, открыла.

И похолодела.

Ника не была случайной жертвой. Она была его пациенткой за год до того, как исчезнуть. А потом она умерла. С перерезанным горлом. В доме семьи Рамиля.

И в этот момент я услышала шаги.

Медленно. Тяжело.

Я замерла, зажав папку в руках. Охрана спала внизу. Пациенты — в своих палатах.

Я слышала их дыхание. Или своё.

Шаги остановились за моей спиной.

Я медленно обернулась.

В дверном проёме стоял он. Рамиль. В белой футболке, босиком, с влажными волосами. Он смотрел на меня в упор, и в его глазах не было ни удивления, ни страха. Только спокойствие. И уверенность, будто он знал, что я приду.

— Как ты вышел из палаты? — прошептала я.

Он не ответил. Он сделал шаг вперёд, потом ещё один. Я вжалась спиной в холодный металлический шкаф, сжимая папку перед собой, как щит.

— Ты не должна быть здесь, Анна, — сказал он.

Это был его голос. Тихий, низкий, почти шёпот. Я слышала его впервые. Он звучал не как у убийцы. Он звучал как у человека, который слишком долго молчал.

Я хотела спросить что-то ещё. Но воздух стал тяжёлым, будто кто-то выкачал его из комнаты. Мои веки начали закрываться. Я чувствовала, как ноги подкашиваются, как мир вокруг меня расплывается, как его лицо исчезает в темноте.

Я провалилась в никуда.

Открыла глаза у себя в постели.

Солнце светило в окно. Дождь закончился. Птицы пели. Всё было так же, как всегда.

Я резко села, оглядываясь. Моя комната. Моя кровать. Мои вещи на тумбочке. Я была дома. В своей пижаме.

«Сон, — подумала я. — Это был просто сон. Ника. Архив. Он. Всё это было сном».

Я провела рукой по лицу, глубоко выдохнула и откинулась на подушку.

И в тот же момент я почувствовала, что под головой что-то есть. Что-то жёсткое. Угловатое.

Я медленно приподняла подушку.

Под ней лежала папка. Та самая папка. Тонкая, серая, с надписью «Саммет Н.».

Я не могла дышать.

Я открыла её, дрожащими руками перелистнула страни-

цы. Внутри были те же записи. Тот же диагноз. Та же фраза в конце, написанная почерком отца: «Пациентка Саммет Н. угрожает раскрыть информацию. Требуется вмешательство».

И ещё кое-что.

На обложке папки — отпечаток. Кровавый отпечаток пальца. Не мой.

Я сидела в кровати, держа в руках папку, и смотрела на эту красную размазанную линию, не в силах пошевелиться.

Он приходил. Он был здесь. Он стоял надо мной, пока я спала. Он положил папку под мою подушку. Он оставил этот отпечаток, чтобы я знала: это не сон.

Я не помнила, как он это сделал. Я помнила только его голос, который до сих пор звенел у меня в ушах:

— Ты не должна быть здесь, Анна.

Я закрыла папку, прижала её к груди и почувствовала, как по щекам текут слёзы.

Я не плакала годами. Я не позволяла себе этого. Но сейчас я не могла остановиться.

Я сидела в своей кровати, в своей квартире, в безопасности — и чувствовала себя более пойманной, чем когда-либо.

Он был рядом. Он всегда был рядом. И он знал всё.

Я не знала, как он это сделал.

Но я знала одно: это не было сном.